

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Розенблюм Евгений Михайлович

**Становление и развитие христианской
мартирологической традиции во II-IV вв.**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2023

Диссертация подготовлена на кафедре истории Церкви Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

- Научный руководитель** – *Симонов Вениамин Владимирович*
доктор экономических наук, профессор
- Официальные оппоненты** – *Ващева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского», Институт международных отношений и мировой истории, Кафедра истории древнего мира и средних веков, профессор*
Светлов Роман Викторович, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», Высшая школа философии, истории и социальных наук, директор
Пантелеев Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Институт истории, Кафедра истории Древней Греции и Рима, доцент

Защита диссертации состоится «27» ноября 2023 г. в ____ часов ____ минут на заседании диссертационного совета МГУ.056.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект д. 27, корп. 4, ауд. А-416.

E-mail vi-dissovet@hist.msu.ru:

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/056.2/2711>

Автореферат разослан « » _____ 20 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Период II-IV веков для истории христианской культуры является конституирующим. В это время христианство стали принимать представители образованной прослойки, видевшие свою задачу в том, чтобы выразить христианскую веру понятным для античного человека языком, что означало – переосмыслить языческую в своих основаниях античную культуру, выделить из нее пригодное для построения новой христианской культуры и интегрировать в христианскую традицию. В IV веке, «золотом веке патристики», этот культурный синтез достигает своего пика и в принципе завершается созданием христианских философии, богословия, искусства, историографии, общественной мысли, сочетающих в себе «старое и новое» – элементы античного наследия и христианской новизны.

Формирование христианской культуры в конце античности имело значение не только для истории религии, но и для общей европейской истории. По мере распада государственных институтов Римской империи на западе в IV-V веках увеличивается роль Церкви, бравшей на себя те функции, с которыми перестало справляться государство. В конечном итоге именно Церковь сыграет решающую роль в сохранении античной культуры и приобщении к ее элементам германских племен, осевших на территории разрушенной ими Империи. Поэтому процесс формирования христианской культуры, происходивший во II-IV веках, имеет важное значение для истории Европы периода поздней античности и раннего средневековья.

Составной частью этого процесса являлось возникновение христианской агиографии – традиции описания жизней святых, то есть построения того идеального образца, на который призваны равняться христиане. При этом на начальном этапе христианскими святыми становились почти исключительно мученики, а потому и агиография в первые три века церковной истории представлена, за редкими исключениями, мартирологией, т.е. описанием мученичества. «Мученик считался образцовым христианином,

усвоившим главное из евангельского послания»¹, поэтому, анализируя представления о поведении мученика, мы имеем дело с раннехристианской этикой в наиболее ярко выраженном виде. Образ мученика – это образ хорошего христианина *par excellence*, и как таковой заслуживает особого внимания.

Актуальность диссертации обусловлена тем, что, несмотря на большое число исследований раннехристианского мученичества в зарубежной, а в последние десятилетия – и в отечественной историографии, а также на общий интерес ученых к проблемам позднеантичной и раннесредневековой культуры, до сих пор, насколько нам известно, не существует ни одного исследования, посвященного образу христианского мученика в мартирологической традиции II-IV веков, рассмотренному в качестве цельного явления, но с учетом его диахронического развития.

Источниковая база исследования представлена прежде всего корпусом «Актов мучеников» – анонимных текстов, представляющих новый, специфически христианский жанр, и посвященных описанию смерти одного или группы пострадавших вместе мучеников, а также двумя наиболее крупными авторскими произведениями, содержащими цельную концепцию христианского мученичества: «Церковной историей» Евсевия Кесарийского (ок. 260-339 гг.) и поэмой латинского христианского поэта Пруденция (род. 348 г. – ум. в начале V в.) «О венцах». Составленные со II по начало IV вв. «Акты мучеников», «Церковная история» (первая половина IV в.) и поэма «О венцах» (нач. V в.) представляют собой, соответственно, зарождение, развитие и закрепление раннехристианской мартирологической традиции.

Для лучшего понимания культурного контекста, в котором формировалась мартирологическая традиция, рассмотрены языческие произведения, задававшие – напрямую или в пересказах и цитатах – социально-этический идеал позднеантичного общества. При этом из-за

¹ Аман А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан, 95-197 / Пер. с фр. В. Д. Балакина. – М., 2003. С. 270.

чрезвычайного обилия материала мы вынуждены ограничиться сократическими творениями Платона и Ксенофонта, первой декадой «Истории Рима от основания Города» Тита Ливия, «Энеидой» Публия Вергилия Марона, а также произведениями Луция Аннея Сенеки Младшего, Марка Аннея Лукана, Эпиктета и Марка Аврелия.

Целью диссертационного исследования является анализ развития и содержания складывающейся во II-IV вв. н.э. мартирологической традиции с точки зрения социально-этического идеала. Иными словами, цель работы – выявить те черты и модели социального поведения, которыми христианские писатели наделяли описываемых ими мучеников, тем самым, возводя эти качества в ранг идеальных и требующих подражания. Для решения этой проблемы в работе были поставлены следующие **задачи**:

1. Решить вопрос о цельности мартирологической традиции или о сосуществовании в ее рамках нескольких конкурирующих течений разного идейного содержания.
2. Реконструировать социальные представления об идеальном поведении, отраженные при описании поведения мучеников в «Актах мучеников», относящихся к эпохе гонений (вторая половина II – начало IV веков). Выявить их историческую динамику, рассмотреть ее в общем контексте развития раннехристианской мысли.
3. Выявить связанное с социальными представлениями о поведении мученика отношение христианских авторов к Римскому государству, императорской власти, обществу, языческой культуре и религии.
4. Рассмотреть социальные представления о поведении мученика в контексте античной культуры, выявить предпосылки мартирологической традиции в литературе, формировавшей духовно-культурный универсум творивших эту традицию раннехристианских авторов.

5. Реконструировать представления о социальном поведении мученика в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского.
6. Выявить направление развития мартирологической традиции после прекращения гонений. Определить тенденции изменения черт социального поведения мученика в сравнении с составленными до окончания гонений «Актами мучеников», рассмотреть их в контексте культуры IV века.
7. Реконструировать представления о социальном поведении мученика в поэме Пруденция «О венцах».
8. Выявить направление дальнейшего развития мартирологической традиции на рубеже IV и V веков. Определить тенденции изменения черт поведения мученика в сравнении с составленными в период гонений «Актами мучеников» и «Церковной историей» Евсевия, рассмотреть их в контексте культуры рубежа IV – V веков.

Методологическая основа исследования. В основу данного исследования положен метод исторической феноменологии. Феноменологический подход предполагает изучение самосознания человека и общества в их историческом развитии. Он позволяет реконструировать систему ценностей, влиявшую на поведение человека, как она проявляется в словах и мыслях людей, сохранившихся в исторических источниках². О важности этого метода для антиковедения говорил Г. С. Кнабе. Называя такую систему ценностей общественно-историческим мифом, он отмечал, что этот миф «слит с эмпирией жизни, оказывает обратное воздействие на действительность и потому образует ее неотъемлемый компонент, без которого она не может быть понята»³.

² Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии: трудный путь к очевидности. – М., 2003. С. 331.

³ Кнабе Г. С. Римский миф и римская история // Жизнь мифа в античности. Ч. 1. Доклады и сообщения. – М., 1988. С. 246.

Применяя этот подход к теме настоящего исследования, мы реконструируем представления об идеальном социальном поведении в раннехристианских источниках сами по себе. Для нас имеет значение, как описывается это поведение и из каких черт складывается идеал, а не то, насколько точно данное описание отражает поведение мученика.

Соответственно, для анализа источников используется понятие «герменевтического круга»⁴. Вычленив в тексте анализируемых источников отдельные черты, которыми наделяются протагонисты, мы затем реконструируем на их основании цельный образ, вернувшись тем самым от частного обратно к общему.

При анализе «Актов мучеников» используется концепция Герда Бушмана о полемике между ортодоксальными христианами и монтанистами по морально-социальным вопросам как причине формирования этого неизвестного в классической античности литературного жанра. Согласно Г. Бушману, целью создания первых произведений, относящихся к жанру «Актов», является утверждение тех или иных черт поведения как нормативных для христианина⁵.

Объектом диссертационного исследования является часть мартирологической традиции, представленная созданными во II-IV веках «Актами мучеников», «Церковной историей» Евсевия Кесарийского и поэмой Пруденция «О венцах».

Предметом исследования являются черты и модели социального поведения мучеников, описанные в вышеназванных источниках и тем самым представленные в качестве идеальных и достойных подражания, изменение набора этих черт по мере развития мартирологической традиции.

4 Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. Б. Н. Бессонова. М., 1988. С. 317-323.

5 Buschmann G. *Martyrium Polycarpi. Eine formkritische Studie. Ein Beitrag zur Frage nach der Entstehung der Gattung Märtyrerakte.* – В.; N.Y., 1994; Idem. *Martyrium Polycarpi 4 und der Montanismus // VC.* 1995. Vol. 49. S. 105-145; Idem. *Das Martyrium des Polykarp übersetzt und erklärt.* – Göttingen, 1998.

Хронологическими рамками работы является период от создания в середине II в. первого произведения мартирологической литературы, «Мученичества Поликарпа Смирнского», до написания Пруденцием поэмы «О венцах», датирующейся интервалом между 403 и 405 гг.

Географические рамки работы включают в себя всю территорию Римской империи периода ее расцвета как ареал бытования греко-римской культуры, в недрах которой формировалась культура христианская.

Степень разработанности проблемы диссертации. Исходя из постановки проблемы и темы данного исследования, которые до сих пор не были должным образом разработаны в научной литературе, следует дать характеристику разработанности двух смежных тем: во-первых, общей истории развития христианства в Римской империи в контексте культурных и социальных процессов поздней античности; и во-вторых, богословского и культурного значения раннехристианского мученичества и посвященных ему исторических источников.

По общей истории раннего христианства в позитивистской историографии XIX – начала XX вв. исследования проводились, в основном, по таким темам, как история догматической борьбы в эпоху Вселенских Соборов⁶, жизнь и богословские взгляды отдельных Отцов Церкви⁷, разрешение вопроса о подлинности тех или иных спорных сочинений⁸, отношение отдельных христианских авторов к язычеству и использование ими

6 См. например: Тьерри А. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий / Пер. с фр. Д. Поспехова. Минск, 2006 (оригинал был издан в 1878 г.); Hefele K. J. von. Conciliengeschichte, nach den Quellen bearbeitet. Freiburg, 1855-90. 9 B.; Лебедев А. П. Вселенские Соборы IV и V веков: Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской. СПб., 2007 (защищена как докторская диссертация по богословию в 1879 г.).

7 См. например: Zahn Th. Ignatius von Antiochien. Gotha, 1873; Dittrich F. Dionysius der Grosse von Alexandrien. Freiburg im Breisgau, 1867; Hipler F. Dionysius der Areopagite. Regensburg, 1861; Молчанов А. В. Св. Киприан Карфагенский и его учение о Церкви. Казань, 1888.

8 См. например: Parker J. Are the writings of Dionysius the Areopagite genuine? London, 1897; Скворцов К. Исследование вопроса об авторе сочинений, известных с именем св. Дионисия Ареопагита. Киев, 1871.

языческой литературы⁹, а также создавалось очень много общих, обзорных работ¹⁰. Особо значимыми для настоящего исследования являются работы, посвященные гонениям на христиан, в которых зачастую попутно ставились и решались частные вопросы, связанные с утверждаемыми в мартирологической литературе ценностями¹¹.

В то же самое время, т.е. в XIX – начале XX в., существовала другая научная школа: либеральная теология, имевшая наибольшую популярность в Германии. Для этого направления характерно отрицание церковной традиции как серии позднейших напластований и искажений первоначального учения Иисуса. Такой богословский подход естественным образом приводил к гиперкритицизму в отношении исторических источников при исследовании раннего христианства¹².

Хотя чрезмерный гиперкритицизм преодолен в современной науке, он помог дальнейшему развитию методологии, что позволило, не отвергая целиком сохранившуюся письменную традицию, поставить ряд новых вопросов.

Если в зарубежной историографии в середине XX в. гиперкритический подход к изучению раннего христианства в целом уходит в прошлое¹³, то в

9 См. например: Behr E. *Der Octavius Minucius Felix in seinem Verhältniss Ciceron's de natura deorum*. Gera, 1870; Burger F. X. *Minucius Felix und Seneca*. München, 1904; Sixt G. *Des Prudentius' Abhängigkeit von Seneca und Lucan // Philologus*. 1892. B. 51. S. 501-506; Breidt H. *De Aurelio Prudentio Clemente Horatii imitatore*. Heidelbergae, 1887.

10 См. например: Aubé V. *Histoire des persecutions de l'Eglise jusqu'a la fin des Antonins*. P., 1875; Neumann K. J. *Die Römische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diocletian*. Leipzig, 1890; Neale J. M. *A history of the holy eastern Church*. L., 1873. 5 vol.; Duchesne L. *Histoire ancienne de l'Eglise*. P., 1907-1910. 3 vol.; Болотов В. В. *Лекции по истории древней Церкви: в 4 т.* СПб.; Пг., 1907-1918 (См. переиздание: М., 1994); Поснов М. Э. *История христианской Церкви*. – София, 1937. (См. переиздание: М., 2005).

11 Особо хочу отметить монографию: Лебедев А. П. *Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом*. СПб., 2006 (Первое издание: М., 1885).

12 К этому направлению относятся, в частности: Harnack A. von. *Das Wesen des Christentums*. Leipzig, 1900 (Рус. пер.: Гарнак А. *Сущность христианства*. М., 2001.), некоторые другие работы Гарнака, а также работы Э. Ренана (Renan J. E. *L'Histoire de origines du christianisme*. P., 1863-1881. 7 t.).

13 До определенной степени исключениями являются британский историк-марксист Джеффри де Сент-Круа (1910-2000) и современная британско-американская исследовательница Кандида Мосс. Статьи де Сент-Круа, посвященные вопросу гонений на

нашей стране государственная политика пропаганды научного атеизма привела к тому, что подобные воззрения были на долгие годы, вплоть до самого краха коммунистической идеологии, объявлены «господствующими в науке» и «научно доказанными»¹⁴. Написанная в рамках данного подхода брошюра А. Б. Рановича «Происхождение христианского культа святых»¹⁵, несмотря на близость темы, практически не содержит ничего, что могло бы быть использовано в настоящей работе. В несколько меньшей степени гиперкритицизм был свойственен работам С. И. Ковалева¹⁶, в которых свидетельства источников подвергались интерпретации в духе марксизма, иногда необоснованно объявлялись поздними интерполяциями, но не отвергались полностью. Примером еще более умеренного подхода в раннесоветской историографии является ранняя статья Е. М. Штаерман «Гонения на христиан в III веке»¹⁷.

По мере ослабления идеологических ограничений стало возможным появление неангажированных работ по истории раннего христианства. Крупнейшими специалистами в этой области в отечественной науке второй половины XX – первых годов XXI века стали И. С. Свенцицкая¹⁸ и

христиан в Римской империи, изданы посмертно в виде сборника: Ste. Croix G. E. M. de. *Christian Persecution, Martyrdom, and Orthodoxy* / Ed. by M. Whitby and J. Streeter. – Oxford, 2006. Работы Кандиды Мосс: Moss C. *On the Dating of Polycarp: Rethinking the Place of the Martyrdom of Polycarp in the History of Christianity*; Eadem. *The Other Christs: Imitating Jesus in Ancient Christian Ideologies of Martyrdom*. – Oxford; N.Y., 2010; Eadem. *The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern* // *Church History*. 2012. Vol. 81. P. 531-551; Eadem. *The Myth of Persecution: How Early Christians Invented a Story of Martyrdom*. – San Francisco, 2013; Eadem. *Polycarphilia and the Origins of Martyrdom* // *The rise and expansion of Christianity in the first three centuries of the Common Era* / Ed. by Rothschild C., Schröter J. – Tübingen, 2013. P. 401-418.

14 Гиперкритицизм в той или иной мере свойствен, например, таким работам: Преображенский П. Ф. *Тертуллиан и Рим*. М., 2004 (Первое издание: М., 1926); Виппер Р. Ю. *Возникновение христианской литературы*. М.; Л., 1946; Виппер Р. Ю. *Рим и раннее христианство*. М., 1954; Ранович А. Б. *О раннем христианстве*. – М., 1959 [данная книга представляет собой сборник работ автора, впервые опубликованных в период с 1931 по 1947 г.]; Ленцман Я. А. *Происхождение христианства*. – М., 1958.

15 Ранович А. Б. *Происхождение христианского культа святых*. – М., 1931.

16 Ковалев С. И. *Происхождение и классовая история христианства*. – Л., 1951; Он же. *Основные вопросы происхождения христианства*. – М.; Л., 1964.

17 Штаерман Е. М. *Гонения на христиан в III веке* // *ВДИ*. 1940. № 2. С. 96-105.

18 Свенцицкая И. С. *Запрещенные евангелия*. – М., 1965; Она же. *Тайные писания первых христиан*. – М., 1980; Она же. *От общины к Церкви*. – М., 1985; Она же. *Первые*

М. К. Трофимова¹⁹, чьи работы были посвящены исследованию христианских и гностических апокрифов, изучению низовой христианской культуры.

Что касается более общих работ по истории раннего христианства, то в современной отечественной науке интерес вызывают темы, связанные с возникновением и развитием раннехристианской исторической мысли²⁰, публикуются работы по истории раннехристианской литературы²¹. Кроме того, появляются труды, посвященные отдельным раннехристианским авторам. Часто это вступительные статьи к изданиям русских переводов источников²², хотя не всегда²³. Также в современной российской историографии представлены труды, посвященные истории развития

христиане и Римская империя. – М., 2003. Книга «Запрещенные евангелия» создана в условиях гораздо более жесткой цензуры, чем более поздние работы И. С. Свенцицкой, что можно заметить по ее содержанию.

19 Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979.

20 Кривушин И. В. Ранневизантийская церковная историография. – СПб., 1998; Тюленев В. М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. – СПб., 2000; Он же. Рождение латинской христианской историографии. – СПб., 2005; Ващева И. Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. – СПб., 2006;

21 Дуров В. С. Латинская христианская литература III–V вв. – СПб., 2003; Скурат К. Е. Золотой век святоотеческой письменности (IV – первая половина V в.). – Свято–Троицкая Сергиева Лавра, 2003; Он же. Святые Отцы и церковные писатели доникейского периода (I–III вв.). – Свято–Троицкая Сергиева Лавра, 2005; Столяров А. А. Патрология и патристика. – М., 2004; Фокин А. Р. Латинская патрология. – М., 2005.

22 Братухин А. Ю. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан // Тертуллиан. О душе / Пер. с лат. А. Ю. Братухина. – СПб., 2004. С. 5–29; Он же. Тит Флавий Климент – примиритель противоположностей // Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасется / Пер. с древнегреч. А. Ю. Братухина. – СПб., 2006. С. 5–46; Афонасин Е. В. «Строматы» Климента Александрийского // Климент Александрийский. Строматы: в 3 т. / Пер. с древнегреч. Е. В. Афонасина. – СПб., 2003. Т. 1. С. 6–76; Тюленев В. М. Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. История против язычников / Пер. с лат. В. М. Тюленева. – СПб., 2004. С. 5–80; Он же. Малые сочинения Лактанция // Лактанций. О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы божественных установлений / Пер. с лат. В. М. Тюленева. – СПб., 2007. С. 5–36; Он же. Лактанций и его «Божественные установления» // Лактанций. Божественные установления / Пер. с лат. В. М. Тюленева. – СПб., 2007. С. 5–32.

23 Сидоров А. Жизненный путь Оригена // Патристика. Новые переводы. Статьи / Под ред. М. Журиной. Нижний Новгород, 2001. С. 290–332; Миллер Т. «Диалог» Иустина и «Диалоги» Платона // Там же. С. 254–272; Копылов И. А. Реконструкция биографии автора «Истории вандалских гонений» // Вопросы истории. 2008. №. 4. С. 159–163.

богословской мысли²⁴ и различным социально-культурным аспектам раннехристианской истории²⁵.

Зарубежная историография раннего христианства чрезвычайно обширна. За исключением исследований, посвященных теме мученичества и гонений, особенный интерес в ней для настоящей диссертации представляют труды по истории монтанизма²⁶ и источниковедческому анализу «Церковной истории» Евсевия Кесарийского²⁷.

Второй темой, научная проработка которой важна для настоящего диссертационного исследования, является богословское и культурное значение мученичества. У истоков современного научного изучения

24 Саврей В. Я. Александрийская школа в истории христианской мысли. М., 2012; Он же. Антиохийская школа в истории христианской мысли. М., 2012; Он же. Каппадокийская школа в истории христианской мысли. М., 2012; Фокин А. Р. Формирование тринитарной доктрины в латинской патристике. М., 2014.

25 Свенцицкая И. С. Женщина в раннем христианстве // Женщина в античном мире. – М., 1995. С. 156-167; Сергеева Е. В. Дискуссия об основах семьи и брака в трактатах Тертуллиана // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. N. 51. С. 34-37; Она же. Первые христианские общины в Северной Африке // Мнемон. Вып. 6. СПб., 2007. С. 421-432; Амосова (Сергеева) Е. В. Гонение на христиан и кризис античного мирозерцания: дис. ... к.и.н. Новгород, 1998; Копылов И. А. Особенности вероучения ортодоксальной церкви в Римской Африке периода вандалского господства (по данным "Liber Fidei Catholici" епископа Евгения Карфагенского) // Кентавр. Вып. 2. М., 2005. С. 91-112; Он же. Церковь в системе организации власти и общества в вандалской Африке (V – VI вв.): дис. ... к.и.н. М., 2006; Он же. «Римский миф» и проблема этноконфессиональной самоидентификации населения вандалской Африки // Диалог со временем. Вып. 21. М., 2007. С. 292-321; Захаров Г. Е. Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV – начало V в). М., 2012; Он же. Члены сената как арбитры в богословских спорах IV века // ВДИ. 2014. № 3. С. 105-110; Он же. Церковные соборы 381-382 годов и проблема поляризации западной и восточной частей позднеантичного мира // ВДИ. 2015. № 2. С. 151-169.

26 Powell D. Tertullianists and Cataphrygians // VC. 1975. Vol. 29. P. 33-38; Jensen A. Prisca – Maximilla – Montanus: Who was the Founder of 'Montanism'? // Studia Patristica. 1993. Vol. 26. P. 147-150; Wypustek A. Magic, Montanism, Perpetua, and the Severan Persecution // VC. 1997. Vol. 51. P. 276-297; Trevett Ch. Montanism: Gender, Authority and the New Prophecy. – Cambridge, 2002.; Tabbernee W. Fake Prophecy and Polluted Sacraments. Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism. – Leiden; Boston, 2007.

27 Wallace-Hadrill D. S. Eusebius of Caesarea. – L., 1960; Grant R. M. Eusebius as Church Historian. – Oxford, 1980; Barnes T. D. Constantine and Eusebius. – Cambridge (Mass.), 1981; Luibheid C. Eusebius of Caesarea and the Arian Crisis. – Dublin, 1981; Chesnut G. F. The first Christian histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius. – Macon (GA), 1986; Carotenuto E. Tradizione e innovazione nella 'Historia Ecclesiastica' di Eusebio di Cesarea. – Napoli, 2001; Carriker A. The Library of Eusebius of Caesarea. – Leiden; Boston, 2003; Verdoner M. Narrated reality: the Historia Ecclesiastica of Eusebius of Caesarea. – Frankfurt am Main, 2011; Eusebius of Caesarea: tradition and innovations / Ed. by Johnson A. P., Schott J. M. – Washington, 2013;

христианской святости стоит имя Ипполита Делеэ (1859-1941). К его работам восходят целых два направления в современной науке. Первым из них является изучение посвященных мученикам текстов как литературных произведений. Для этого направления характерны такие задачи как поиск топосов, повторяющихся из одного жития в другое, нахождение дохристианских литературных или фольклорных мотивов, вошедших затем в жития и т.п. Целью основной для данного направления работы И. Делеэ «Страсти мучеников и литературные жанры» было разделить мученичества на несколько жанров и описать законы построения текста в каждом из них. В рамках этого направления во второй половине XX века появились исследования особого «агиографического языка», т.е. характерных для агиографии способов выражения, использования определенных черт и сюжетов как отдельных «лексических единиц» для передачи смысла²⁸. Результаты развития этого научного направления от И. Делеэ до начала XXI века суммированы в монографии В. М. Лурье «Введение в критическую агиографию»²⁹.

Вторым восходящим к трудам И. Делеэ направлением, гораздо более разработанным последующими учеными, стало изучение особенностей культа мучеников на рубеже античности и средневековья³⁰. Исследователи, занимающиеся этой проблемой, ставят и решают такие вопросы, как функция культа святых, отправлявшегося в усыпальницах и других священных местах, причины возникновения и роль почитания мощей, включение святых в сложную систему социальных отношений поздней античности, способы

28 Delehaye H. *Les legendes hagiographiques*. – Bruxelles, 1905; Idem. *Les Passions des martyrs et les genres litteraires*. – Bruxelles, 1921; Pratsch T. *Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit*. – В.; N.Y., 2005.

29 Лурье В. М. *Введение в критическую агиографию*. – СПб., 2009.

30 Delehaye H. *Les Origines du culte des martyrs*. – Bruxelles, 1912; Idem. *Sanctus. Essai sur le culte des Saints dans l'antiquite*. – Bruxelles, 1927; Brown P. *The Cult of the Saints: Its rise and function in Latin Christianity*. – Chicago, 1981 (Рус. пер.: Браун П. *Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве* / Пер. с англ. В. В. Петрова. – М., 2004); Roberts M. *Poetry and the Cult of Martyrs: Liber Peristephanon of Prudentius*. – Ann Arbor, 1993; Grig L. *Making martyrs in late antiquity*. – L., 2004.

вытеснения людьми этой переходной эпохи страха перед неопределенным будущим, сходства и различия между христианским культом святых и языческим почитанием гениев или даймонов, представления о смерти и судьбе умерших людей.

Отдельно следует упомянуть находящееся на стыке с церковной историей направление богословских исследований, посвященных осмыслению сути христианского мученичества. Из них стоит отметить монографию немецкого католического епископа Пауля-Вернера Шееле «Призванные к свидетельству: теология мученичества», автор которой пытается дать определение самому понятию «мученик», рассматривая различные пограничные случаи³¹; статью швейцарского богослова, будущего кардинала, Ганса-Урса фон Бальтазара «Мученичество и Миссия», посвященную различиям между христианским пониманием мученичества и встречающейся во все века и во всех культурах готовностью героически умереть за те или иные убеждения и ценности³²; и небольшую статью митрополита (ныне Патриарха) Кирилла (Гундяева) «Подвиг святого Пантелеимона в контексте восприятия мученичества Древней Церковью»³³, содержащую некоторые рассуждения о мученичестве как жертве и свидетельстве. Последняя работа затрагивает вопрос о чертах мученического социального идеала в ранней Церкви, но в силу крайне небольшого объема – лишь вскользь.

Наряду с этими направлениями в современной историографии существуют отдельные исследования, посвященные тем или иным частным вопросам, связанным с раннехристианским мученичеством. Не имея возможности перечислить все подобные работы, ограничусь лишь несколькими. Монография Уильяма Вайнриха «Дух и мученичество»

31 Scheele P.-W. Zum Zeugnis berufen. Theologie des Martyriums. – Würzburg, 2008.

32 Бальтазар Х.-У. фон. Мученичество и миссия // Новая Европа: международное обозрение культуры и религии. 2003. № 16. С. 4-14.

33 Митр. Кирилл (Гундяев). Подвиг святого Пантелеимона в контексте восприятия мученичества Древней Церковью // Родное и вселенское. – М., 2006. С. 173-178.

анализирует представления различных раннехристианских авторов о значении благодати Святого Духа для мученичества³⁴; Даниэля Боярина «Умирая за Бога: мученичество и формирование христианства и иудаизма» – значение концепции мученичества для возникновения и отделения друг от друга христианской и раввинистическо-иудейской идентичностей³⁵; Джойс Солсбери «Кровь мучеников: побочные последствия древнего насилия» – влияние гонений на христиан в Римской империи и сформировавшегося в Церкви мартирологического нарратива на распространенные в Средние Века и в наше время представления о чудесах, снах, самопожертвовании, материнстве, войне и многом другом³⁶. Работа немецкой исследовательницы Кристель Буттервек «Стремление к мученичеству в ранней Церкви?» посвящена феномену добровольного мученичества, его распространенности и теоретическому осмыслению раннехристианскими авторами³⁷.

Особую значимость для настоящего исследования имеет концепция, высказанная в работах Герда Бушмана³⁸. Появление самого жанра «Актов мучеников», как доказывает немецкий ученый, имело целью утвердить правильную модель мученичества «согласно с Евангелием» в полемике против монтанистов, призывавших христиан самим доносить на себя перед властями, стремясь к мученичеству.

Среди других исследований, посвященных историко-критическому анализу отдельных «Актов мучеников» и их концептуальному анализу, следует упомянуть работы Бодуина Дехандшуттера³⁹, сборник статей

34 Weinrich W. C. *Spirit and Martyrdom*. – Washington, 1981.

35 Boyarin D. *Dying for God: Martyrdom and the making of Christianity and Judaism*. – Stanford, 1999.

36 Salisbury J. E. *The blood of martyrs: unintended consequences of ancient violence*. – N.Y.; L., 2004.

37 Butterweck Ch. *'Martyriumssucht' in der Alten Kirche?* – Tübingen, 1995.

38 Buschmann G. *Martyrium Polycarpi. Eine formkritische Studie. Ein Beitrag zur Frage nach der Entstehung der Gattung Märtyrerakte*. – B.; N.Y., 1994; Idem. *Martyrium Polycarpi 4 und der Montanismus // VC*. 1995. Vol. 49. S. 105-145; Idem. *Das Martyrium des Polykarp übersetzt und erklärt*. – Göttingen, 1998.

39 Dehandschutter B. *Martyrium Polycarpi. Een literair-kritische studie*. – Leuven, 1979; Idem. *Le Martyre de Polycarpe et le Développement de la Conception du Martyre au Deuxième Siècle // Studia Patristica*. 1982. Vol. 18. Part. 2. P. 659-668; Idem. *The Martyrdom of Polycarp*

«Мученичество и гонения в позднеантичном христианстве»⁴⁰, посвященный «Мученичеству Перпетуи и Фелицитаты» сборник работ специальной монотематической конференции⁴¹, а также работы П. Кицлера⁴².

Что касается отечественной историографии, то в советское время тема гонений и мученичества по понятным причинам редко становилась предметом научных исследований. Среди редких работ этого периода следует отметить статью М. Е. Сергеенко «Гонение Деция»⁴³ и монографию В. А. Федосика «Киприан и античное христианство»⁴⁴.

Более поздние работы В. А. Федосика, написанные вместе с соавторами уже в постсоветский период (хотя они и относятся не к российской, а к белорусской историографии, но написаны на русском языке), «Мученичество в раннем христианстве: очерк исторического восприятия»⁴⁵ и «Рим и христианские мученики (реалии античности и духовная традиция)»⁴⁶, отличаются друг от друга несколькими главами, но в оставшихся главах совпадают почти дословно. В главе «Характерные черты и особенности ментальности раннехристианских мучеников и исповедников» (3-я глава книги «Мученичество в раннем христианстве») и 2-я глава книги «Рим и

and the Outbreak of Montanism // *Ephemerides Theologicae Lovanienses*. 1999. Vol. 75. P. 430-437. Последние две статьи, а также ряд других работ Б. Дехандшуттера, переизданы в юбилейном сборнике: Dehandschutter B. *Polycarpiana. Studies on Martyrdom and Persecution in Early Christianity. Collected Essays* / Ed. by J. Leemans. – Leuven, 2007.

40 *Martyrdom and Persecution in Late Antique Christianity. Festschrift Boudewijn Dehandschutter* / Ed. by J. Leemans. – Leuven, 2010.

41 *Perpetua's Passions: Multidisciplinary Approaches to the Passio Perpetuae et Felicitatis* / Ed. by J. N. Bremmer and M. Formisano. – Oxford, 2012.

42 Kitzler P. *Passio Perpetuae and Acta Perpetuae: Between Tradition and Innovation* // *Listy filologicke*. 2007. Vol. 130. P. 1-19; Idem. *Viri mirantur facilius quam imitantur: Passio Perpetuae in the Literature of the Ancient Church (Tertullian, acta martyrum, and Augustine)* // *The Ancient Novel and Early Christian and Jewish Narrative: Fictional Intersections* / Ed. by M. P. Futre Pinheiro, J. Perkins, R. Pervo. – Groningen, 2012. P. 189-201; Idem. *From "Passio Perpetuae" to "Acta Perpetuae". Recontextualizing a Martyr Story in the Literature of the Early Church*. – Berlin; Boston, 2015.

43 Сергеенко М. Е. Гонение Деция // ВДИ. 1980. № 1. С. 171-176.

44 Федосик В. А. Киприан и античное христианство. – Минск, 1991.

45 Федосик В. А., Яновская В. В., Яновский О. А. Мученичество в раннем христианстве: очерк исторического восприятия. – Минск, 2011.

46 Федосик В. А. [и др.]. Рим и христианские мученики (реалии античности и духовная традиция). – Минск, 2012.

христианские мученики») дается лишь беглый обзор утверждаемого в мартирологической традиции социального идеала, не опирающийся на глубокий анализ источников⁴⁷. Большая часть этих двух работ посвящена социальной функции культа раннехристианских мучеников в более поздние эпохи.

В отечественной историографии раннехристианское мученичество стало предметом исследований А. Д. Пантелеева⁴⁸, Е. В. Сергеевой⁴⁹, А. В. Каргальцева⁵⁰, А. Н. Крюковой⁵¹, А. Б. Софян⁵² и некоторых других ученых⁵³.

47 Федосик В. А., Яновская В. В., Яновский О. А. Мученичество в раннем христианстве... С. 61-69; Федосик В. А. [и др.]. Рим и христианские мученики... С. 27-33.

48 Пантелеев А. Д. Христианство в Римской империи во II–III вв. (к проблеме взаимоотношений новых религиозных течений и традиционного общества и государства): дис. ... к.и.н. – СПб., 2004; Он же. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Вып. 3. СПб., 2004. С. 413–428; Он же. Христиане в правление Марка Аврелия // Мнемон. Вып. 4. СПб., 2005. С. 305-316; Он же. Жертвы глобализма: эдикт Каракаллы и положение христиан в начале III века // Мнемон. Вып. 5. СПб., 2006. С. 95-110; Он же. "Допустим, что темница даже христианам в тягость": мученик в тюрьме // Власть и культура. Сборник конференции памяти основателя Центра исторической психологии В.П. Денисенко (25 ноября 2006 г.). СПб., 2007. С. 87-101; Он же. Мученичество и самоубийство: проблемы восприятия раннего христианства язычниками // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 17. М.; Магнитогорск, 2007. С. 136-145; Он же. Мученичество Потамиены и Василида // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. Выпуск 1. СПб., 2012. С. 100-115; Он же. Сократ в раннехристианской агиографии // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII. СПб., 2013. С. 668-679.

49 Сергеева Е. В. Конфликт идентичностей в «Мученичестве свв. Перпетуи и Фелицитаты» // Вестник РГГУ. 2013. N. 17. С. 37-53.

50 Каргальцев А. В. Жизнь и мученичество Киприана Карфагенского по материалам «Vita Surliani» // Мнемон. Вып. 11. СПб., 2012. С. 351-360; Он же. Гонение Валериана и мученичество Киприана Карфагенского // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2012. N. 4. С. 124-130; Он же. К вопросу о гонениях Валериана в Нумидии по материалам «Passio sanctorum Mariani et Iacobi» // Мнемон. Вып. 13. СПб., 2013. С. 375-388.

51 Крюкова А. Н. Поэтика сновидений в раннехристианской литературе: на материале «Мученичества Перпетуи и Фелицитаты», «Мученичества Мариана и Иакова» и «Мученичества Монтана, Луция, Флавиана и других мучеников»: дис. ... к.ф.н. – М., 2013; Она же. Художественные особенности изображения сновидений в «Мученичестве Мариана и Иакова» // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII. СПб., 2013. С. 457-468; Она же. Поэтика сновидений в «Мученичестве Монтана, Луция, Флавиана и других мучеников» // ВДИ. 2014. № 2. С. 117-124.

52 Софян А. Б. Феномен мученичества во взаимоотношениях христианской Церкви и Римской империи (II – н. IV вв.): дис. ... к.и.н. СПб., 2010.

53 Например, мученичеству в чуть более позднюю эпоху посвящена статья исследователя церковной истории королевства вандалов в Африке конца V в. И. А. Копылова: Смерть и мученичество глазами африканских христиан в эпоху

Научная новизна исследования. Основные научные результаты исследования, полученные соискателем:

- Впервые проведен комплексный анализ черт социального поведения мучеников, утверждаемых как нормативные в раннехристианской мартирологической традиции.
- Впервые продемонстрировано, что в корпусе «Акт мучеников» II-III веков содержатся тексты, принадлежащие к двум разным, конкурирующим традициям, которые к концу периода гонений объединяются в одну.
- Впервые показано изменение представлений об идеальном социальном поведении в мартирологической традиции по мере ее развития с середины II по рубеж IV-V веков.
- Утверждаемые в отдельных памятниках мартирологической традиции черты социального поведения мучеников впервые показаны в контексте актуальных для христианства во время создания этих памятников богословских и культурных задач.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Жанр «Акт мучеников» появился в контексте полемики между ортодоксальными христианами и монтанистами по вопросу о правильном поведении во время гонений. Обе стороны использовали «Акты» для пропаганды своих взглядов в этом вопросе. Греческая версия «Акт Карпа, Папилия и Агафоники» представляет в этой полемике монтанистскую сторону, а латинская версия является ортодоксальным ответом на нее.
2. Черты социального поведения, утверждаемые в относящихся к эпохе гонений «Актах мучеников», отличаются от черт социального поведения, утверждаемых в мартирологической литературе со времен царствования Константина Великого –

«Церковной истории» Евсевия, поэме Пруденция «О венцах» и составленных в IV веке «Актах». Причиной этого является изменение задач создания мартирологической литературы в изменившихся условиях, хотя свою роль могли сыграть так же авторитет Евсевия и его не вполне ортодоксальные взгляды.

3. Лояльность мучеников к императорской власти, при более приоритетной верности Богу, регулярно подчеркивается в различных «Актах» II-III веков. Нелояльность к власти императоров-язычников впервые появляется в «Актах» эпохи Диоклетиана и становится демонстративной в памятниках, созданных во время царствования Константина и его сыновей. Однако в поэме «О венцах» политическая лояльность мучеников появляется снова.
4. Цель создания памятников мартирологической традиции дважды меняется на протяжении II-IV веков. Возникнув как средство полемики с еретиками, этот жанр уже через несколько десятилетий становится прежде всего назидательным и укрепляющим перед лицом гонений, а после Константина его целью становится показать исключительную и невероятную стойкость мучеников, а через нее – силу Бога христиан.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы и результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории Церкви и, шире, истории культуры периода поздней античности и раннего средневековья, философских, богословских и религиоведческих исследованиях. **Практическая значимость диссертации** заключается в возможности использовать ее при разработке общих и специальных курсов, а также при проведении специальных семинаров по истории древнего мира и средних веков, истории религий, истории христианства, истории позднеантичной и средневековой культуры. Кроме того, полученные в ходе диссертационного исследования выводы могут быть

полезны представителям государственной власти и руководства религиозных организаций, ответственным за государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения.

Апробация результатов исследования. Результаты работы над материалом диссертации были представлены в виде докладов на всероссийских и международных научных конференциях: студенческо-аспирантской конференции «История глазами молодых» в Саратовском государственном университете в 2006-2008 гг., «Жебелевских чтениях» в СПбГУ в 2011-2012 и 2014 гг., «Свято-Троицких чтениях» в Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург) в 2013-2014 гг., международной конференции «Актуальные проблемы истории древнего мира» в Киевском национальном университете в мае 2013 г. и конференции «Научное наследие А. Б. Рановича: к 130-летию со дня рождения ученого» в Университете Дмитрия Пожарского (Москва) в декабре 2015 г. Работа обсуждалась на кафедре истории Церкви исторического факультета МГУ. Материалы исследования легли в основу 13 публикаций, из них 5 – соответствующих критериям публикации основных научных результатов диссертации в рецензируемых научных изданиях.

Основное содержание работы

Структура и содержание работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обосновывается новизна и актуальность диссертационной работы, формулируются её цель и задачи, содержится общая характеристика предмета и объекта исследования, описывается методологическая основа работы.

Глава 1 «Обзор источников и историографии» состоит из двух параграфов, содержащих характеристику основных использованных в

диссертационной работе источников и обзор историографии, посвященной раннехристианскому мученичеству.

Источниковедческая характеристика основных памятников мартирологической традиции, исследуемых в диссертационной работе, содержится в **параграфе 1 «Источники»**. **«Акты мучеников»** представляют из себя новый, специфически христианский жанр, не имеющий прямых аналогов в языческой литературе. В настоящей работе анализируются «Акты», составленные во II – начале IV века, то есть во времена гонений или сразу после их окончания. Задачу отделения этих «Актов» от более поздних решил Герберт Мусурильо, чье издание и используется в работе⁵⁴. Впервые новый жанр «Актов» возникает в середине II века. Первым его памятником большинство ученых считают «Мученичество Поликарпа Смирнского». Б. Дехандшуттер и Г. Бушман придерживаются наиболее ранней датировки – 155 г.⁵⁵ Т. Д. Барнс датирует мученичество 157 г.⁵⁶, П. Хартог – 161 г.⁵⁷; А. -И. Марру⁵⁸, Д. Ван Дамм⁵⁹ и другие – 167 г., А. Грегуар – 177-м годом⁶⁰. Существует также точка зрения, согласно которой «Мученичество Поликарпа» – не первое в жанре «Актов мучеников» и составлено уже в III веке⁶¹. Однако, такая поздняя датировка отвергается большинством исследователей.

54 The Acts of the Christian Martyrs / Introduction, texts and translations by Herbert Musurillo. 2nd Ed. Oxford, 2000.

55 Dehandschutter B. The Martyrdom of Polycarp and the Outbreak of Montanism // Ephemerides Theologicae Lovanienses. 1999. Vol. 75. P. 430; Buschmann G. Das Martyrium des Polykarp übersetzt und erklärt...

56 Крюкова А. Н. Рец. на: Barnes T. D. Early Christian Hagiography and Roman History. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. XX, 437 p. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2012. N. 2. С. 142.

57 Hartog P. Polycarp and the New Testament: The Occasion, Rhetoric, Theme and Unity of the Epistle to the Philippians and Its Allusions to New Testament Literature. – Tübingen, 2002. P. 17-32.

58 Marrou H.-I. La date du Martyre de Saint Polycarpe // Analecta Bollandiana. 1953. Vol. 71. P. 5-20.

59 Van Damme D. Polycarp // Theologische Realenzyklopädie. B. 27. 1997. S. 25-28.

60 Grégoire H. La véritable date du Martyre de Saint Polycarpe (23 Février 177) et le “Corpus Polycarpianum” // Analecta Bollandiana. 1951. Vol. 69. P. 1-38.

61 Ronchey S. Indagine sul Martirio di San Policarpo: critica storica e fortuna agiografica di un caso giudiziario in Asia minore. R., 1990; Eadem. Il martirio di San Policarpo e gli antichi Atti

Хотя межхристианская полемика является целью создания некоторых других «Актов», причем этим инструментом пользовались не только ортодоксальные христиане, но и монтанисты, и гностики, вскоре – уже на рубеже II-III веков – начинают появляться «Акты», не имеющие полемической направленности, цель которых – дать образец для поведения христианина и утвердить определенную модель поведения.

И составители «Актов мучеников», и по крайней мере, часть аудитории, на которую они ориентировались, были знакомы, хотя бы в пересказах и цитатах, с классическими античными произведениями, задававшими социально-этический идеал позднеантичной культуры. Для поиска предпосылок мартирологической традиции в духовно-культурном универсуме античной мысли и определения соотношения преемственности и новизны в «Актах мучеников» в диссертации рассмотрены основные из этих источников: «Диалоги» Платона (428/427-348/347 гг. до н. э.), сократические произведения Ксенофонта (ок. 430 – ок. 355 гг. до н. э.), первая декада «Истории Рима» Тита Ливия (59 г. до н. э. – 18 г. н. э.), «Энеида» Вергилия (70-19 гг. до н. э.), а также произведения представителей Поздней Стои Сенеки Младшего (ок. 1 г. – 65 г. н. э.), поэта Лукана (39-65 гг. н. э.) Эпиктета (ок. 50 – ок. 138 гг.) и Марка Аврелия (121-180 гг.). В этих произведениях, составлявших напрямую или в выдержках и пересказах круг чтения образованного человека в конце II – III вв., задается в той или иной форме социально-этический идеал. Платон и Ксенофонт в качестве примера представляют идеальный образ Сократа, Вергилий – Энея, Тит Ливий – собирательный образ ранних римлян из эпохи «благородной древности». Лукан в поэме «Фарсалия» выписывает в качестве идеального образа Катона Утического и Помпея, а Сенека, Эпиктет и Марк

dei martiri da Baronio a oggi: dottrina ufficiale e realtà storica // The Christian East: Its Institutions and Its Thought / Ed. by R. F. Taft. R., 1996. P. 651-670; Eadem. Les proces-verbaux des martyrs chrétiens dans les Acta Martyrum et leur fortune // Les Mélanges de l'École française de Rome – Antiquité. 2000. Vol. 111. P. 723-752; Moss C. On the Dating of Polycarp: Rethinking the Place of the Martyrdom of Polycarp in the History of Christianity // Early Christianity. 2010. Vol. 1. P. 539-574.

Аврелий размышляют о добродетели, о ее содержании и необходимых для «мужа добра» качествах.

В диссертационной работе вслед за «Актами мучеников» исследуются два крупных произведения, содержащих описание большого числа мученичеств в русле единой концепции. Первым из них является «Церковная история» Евсевия Кесарийского⁶² (ок. 260 – 339 гг.). Евсевий пережил диоклетианово гонение и торжество христианства, что наложило большой отпечаток на его личность и взгляды. Его «Церковная история» вывела мартирологическую традицию на качественно новый уровень и оказала огромное влияние на всю последующую христианскую культуру как в Византии, так и, благодаря сделанному в конце IV в. переводу Руфина Аквилейского⁶³, на латинском Западе.

Вторым крупным литературным произведением в складывающейся мартирологической традиции стала поэма Пруденция⁶⁴ (348 г. – нач. V в.)

62 Подробнее о жизни и трудах Евсевия см.: Розанов Н. П. Евсевий Памфил, еп. Кесарии палестинской. – М., 1880; Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. – СПб., 2000. С. 26-98; Кривушин И. В. Ранневизантийская церковная историография. – СПб., 1998. С. 8-14, 31-117; Ващева И. Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. – СПб., 2006; Панов П. Евсевий Кесарийский как "отец церковной истории" // Научные труды Самарской духовной семинарии. Вып. 4. Самара, 2014. С. 285-297; Wallace-Hadrill D. S. Eusebius of Caesarea. – L., 1960; Grant R. M. Eusebius as Church Historian. – Oxford, 1980; Barnes T. D. Constantine and Eusebius. – Cambridge (Mass.), 1981; Luibheid C. Eusebius of Caesarea and the Arian Crisis. – Dublin, 1981; Chesnut G. F. The first Christian histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius. – Macon (GA), 1986. P. 33-171; Carotenuto E. Tradizione e innovazione nella 'Historia Ecclesiastica' di Eusebio di Cesarea. – Napoli, 2001; Carriker A. The Library of Eusebius of Caesarea. – Leiden; Boston, 2003; Verdoner M. Narrated reality: the Historia Ecclesiastica of Eusebius of Caesarea. – Frankfurt am Main, 2011; Eusebius of Caesarea: tradition and innovations / Ed. by Johnson A. P., Schott J. M. – Washington, 2013.

63 Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. – СПб., 2005. С. 84.

64 Подробнее о жизни и трудах Пруденция см.: Цветков П. И. Аврелий Пруденций Клемент. – М., 1890; Мязина О. Б. Представления об императорской власти и исторических судьбах Рима в контексте полемики христианства и язычества на рубеже IV – V вв.: по материалам творчества Пруденция: дис. ... к.и.н. – Казань, 2002; Rösler A. Der katholische Dichter Aurelius Prudentius Clemens. – Freiburg im Breslau, 1886; Puech A. Prudence: étude sur la poésie latine chrétienne au 4. siècle. – P., 1888; Tonna-Barthet A. M. Aurelio Prudentis Clemente: estudio biográfico-crítico. – Madrid, 1902; Torro J. P. Antropología de Aurelio Prudentio. – Roma, 1976; Malamud M. A. A poetics of transformation: Prudentius and classical mythology. – Ithaca, 1989; Palmer A.–M. Prudentius on the martyrs. Oxford, 1989; Heinz C. Mehrfache Intertextualität bei Prudentius. – Frankfurt am Main; N.Y., 2007.

«Περὶ στεφάνων» («О венцах»), написанная по-латыни, хотя и с греческим заголовком, между 403 и 405 гг.

Поэма Пруденция «О венцах» состоит из 14 гимнов, каждый из которых обладает внутренним единством и законченностью. Эти гимны прославляют одного или нескольких мучеников, пострадавших во время гонений. Несмотря на отсутствие общего для всей поэмы сюжета, все 14 гимнов образуют целостное в идейном и концептуальном плане произведение.

«Церковная история» Евсевия Кесарийского и поэма Пруденция «О венцах» являются двумя самыми крупными произведениями мартирологической литературы в поздней античности. Именно в них произошло складывание и закрепление канона, который оказал влияние на всю последующую христианскую культуру.

Параграф 2 «Историография» содержит обзор научной литературы, посвященной раннехристианскому мученичеству и гонениям. В XIX – начале XX веков в русле господствовавшей научной школы позитивизма было создано множество работ, посвященных истории развития раннехристианской богословской мысли и истории гонений, а также обзорных работ по истории раннего христианства. В это время было поставлено и разрешено множество вопросов, имеющих значение для дальнейшего развития науки. Однако методологический арсенал не позволял историкам-позитивистам поставить вопрос об имплицитно содержащихся в источниках представлениях и ценностях. Другим научным направлением, характерным для исследований раннего христианства в XIX – начале XX века, была либеральная теология. Для этого богословского направления было характерно представлять всю церковную традицию, начиная со времен апостолов, как напластование позднейших искажений изначального учения Иисуса. В исторических работах такая концепция в большей или меньшей степени приводила к гиперкритицизму в отношении источников. Хотя впоследствии гиперкритицизм был преодолен, он помог существенно расширить критический инструментарий. У истоков современного научного изучения

христианской святости стоит имя Ипполита Делеэ (1859-1941). Его труды заложили основу сразу двух направлений исследований. Первым из них является изучение «Актв мучеников» как литературных произведений, принадлежащих к особенному жанру со своими законами, раскрытие этих законов и расшифровка специфического «агиографического языка» (особой системы культурных кодов)⁶⁵. Вторым направлением, намного подробнее разработанным в науке, является изучение культа святых как социально-культурного феномена.

Завершает параграф «Историография» обзор иностранных и отечественных работ, посвященных тем или иным конкретным аспектам раннехристианского мученичества, из которых особое значение для диссертации имеют работы немецких исследователей Кристель Буттервек «Стремление к мученичеству в ранней Церкви?»⁶⁶ и Герда Бушмана «Мученичество Поликарпа: формально-критическое исследование. К вопросу о происхождении жанра мученических актов»⁶⁷

Глава 2 «Представления об идеальном поведении в языческой литературе» содержит анализ тех социальных представлений о поведении человека, которые постулировались как идеальные и достойные подражания в трех основных направлениях античной этической мысли: в сократических произведениях Платона и Ксенофонта, гражданской литературе времен расцвета «римского мифа» при Августе и в стоической философии. В **Параграфе 1** «Отношение к жизни, смерти и самопожертвованию в античной культуре» показано, что в античной традиции восхваляются мужество, проявляемое на поле боя и в превратностях судьбы, терпеливое перенесение

65 Delehaye H. Les legendes hagiographiques. Bruxelles, 1905; Idem. Les Passions des martyrs et les genres litteraires. Bruxelles, 1921; Pratsch T. Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. В.; N.Y., 2005; Лурье В. М. Введение в критическую агиографию. – СПб., 2009.

66 Butterweck Ch. 'Martyriumssucht' in der Alten Kirche? Tübingen, 1995.

67 Buschmann G. Martyrium Polycarpi. Eine formkritische Studie. Ein Beitrag zur Frage nach der Entstehung der Gattung Märtyrerakte. – В.; N.Y., 1994. Cf.: Idem. Martyrium Polycarpi 4 und der Montanismus // VC. 1995. Vol. 49. S. 105-145; Idem. Das Martyrium des Polykarp übersetzt und erklärt. – Göttingen, 1998.

мук и несчастий, презрение к смерти и патриотизм. При этом для Сократа презрение к смерти объясняется его уверенностью в загробном воздаянии по заслугам праведным и порочным людям, для римской героической этики – подчинением своих личных интересов интересам Рима, а для представителей Римской Стои презрение к смерти с течением времени все больше и больше оборачивается презрением к жизни. Что касается патриотизма, то, за исключением Тита Ливия, который представляет служение Риму как высшую ценность для героев своей «Истории», остальные авторы ставят выше служения отечеству стремление к добродетели или исполнение прямо явленной божественной воли. **Параграф 2** «Представления о помощи в достижении добродетели: наставник или боги?» демонстрирует, что ценность нравственного воспитания сограждан как служения отечеству признавалась Сократом и, отойдя на задний план в эпоху Августа, снова стала актуальной для римских стоиков. С одной стороны, по мере развития Римской Стои ценность всего, что не имеет отношения к воспитанию добродетели, опускалась все ниже и ниже, но с другой – способность человека достичь добродетели своими силами оценивалась все более и более пессимистично. Для Сократа это был лишь вопрос познания правильных представлений о должном и недолжном. В отличие от Сократа, Сенека признавал, что для достижения добродетели человеку мало одних только знаний – нужна еще и божественная помощь. По мере развития стоической школы важность знаний постепенно сходит на нет, а важность божественной помощи, наоборот, становится все выше и выше, но надежда на достижение добродетели тает. Упование на божественную помощь становится все более и более отчаянным, но преданность традиционным языческим формам культа исчезает. Ни Сократ, ни писатели эпохи Августа не подвергали устоявшиеся религиозные формы сомнению. В отличие от них, у римских стоиков появляется и становится все более и более значимой идея о том, что подлинное служение богам (а точнее – Богу, потому что все боги сливаются в единый мироуправляющий принцип) состоит в стремлении к добродетели и в просьбе

даровать ее. В **параграфе 3** «Социальное измерение этики: отношение к самоубийству, мщению и справедливой войне, обязанности перед отечеством и семьей» рассмотрено, какие взгляды на самоубийство, важность соблюдения государственного закона, отношение к другим людям, в том числе к врагам, были представлены в античной этической мысли, доступной образованным христианам II-III веков благодаря школьному образованию, популярным пересказам и публичной проповеди философов. С точки зрения Сократа самоубийство является недозволенным потому, что мы принадлежим не себе, а богам. Хотя Сенека отступает от этой позиции, прославляя самоубийство как путь к свободе, но уже Эпиктет занимает позицию, гораздо более близкую к взглядам Сократа и, в то же время, к взглядам более поздних христианских мыслителей. Самоубийство, с его точки зрения, это убийство невинного человека. Оно оправдано только тогда, когда сам Бог явным образом призывает нас к отступлению из этого мира. Что касается вопроса о допустимости нарушения государственного закона, для Сократа оправданием может быть только послушание авторитету более высокого порядка – божественному авторитету. Существование иерархии приоритетов, высшим из которых является Бог, затем государство, затем почтение к старшим родственникам, затем – забота о младших сохраняется и для Ливия, и для Вергилия. Платон, как и стоики, призывает отказаться от мщения, не делать зла даже врагам, хотя и Платон, и Сенека понимают, насколько эти взгляды противоречат общепринятым. Характерно, что оба они, хотя и осуждают месть в специально посвященных этому размышлениях, но, рассуждая о других вопросах, приводят примеры, в которых месть представляется вполне естественной. Однако уже Эпиктет гораздо более уверенно призывает отказаться от мщения. Стоики прославляют кротость к врагам, говоря о том, что всякий человек грешен, и не следует отвергать других за то, что можно найти и в себе самом. Однако и здесь наблюдается тот же рост пессимизма по мере развития стоической школы, о котором говорилось во втором параграфе. Начав с призыва быть добрым к людям, потому что они поступают плохо из-

за заблуждения и потому, что каждый и сам не идеален, стойки закончили презрением к ничтожной человеческой натуре, которая не заслуживает мщения потому, что не заслуживает уважения. Марк Аврелий даже сравнивает людей с вшами. В завершение первой главы делается вывод, что в позднеантичной культуре были поставлены вопросы о презрении к жизни или к смерти, о призвании Бога или собственном выборе человека, отношении к государству, которое требует послушаться Бога, однако убедительных ответов на эти вопросы языческая культура предложить не смогла. Их поиск продолжился уже в рамках христианства.

Глава 3 «Акты мучеников»: формирование идеала мученика в период гонений» посвящена анализу социально-этического идеала, содержащегося в аутентичных «Актах мучеников», то есть в тех памятниках этого жанра, которые были созданы с середины II по начало IV века. В **параграфе 1** «Отношение к добровольному мученичеству» рассмотрен вопрос о самодонительстве – один из ключевых для «Актов мучеников», поскольку полемика между христианами по нему стала одной из причин появления самого этого жанра. Показано, что существовало две конкурирующие точки зрения на эту проблему. Продемонстрировано, что греческая редакция «Мученичества Карпа, Папилия и Агафоники» датируется II веком и является монтанистским ответом на критику добровольного мученичества в «Мученичестве Поликарпа», а латинская редакция, последовательно очищенная от монтанистских взглядов, появилась в III веке. Из двух конкурирующих точек зрения, отраженных в различных «Актах», к концу эпохи гонений победила та, согласно которой мученику не следует самому приближать свой арест, и даже рекомендуется бежать от преследователей. При этом мученичество воспринималось как объективное благо, о котором можно молиться, прося его для себя и для других, за которое следовало благодарить Бога и ставших орудиями Его милости судью, солдат, палача. Будучи уже арестован, христианин может считать, что Бог избрал его для мученичества, а значит, приближать свою казнь смелым исповеданием. Мученичество – это

участие в Страстях Христа, что подчеркивается в том числе и сходством самих страданий, иногда – совершенно надуманным. В споре между монтанистами, призывавшими христиан самим доносить на себя властям, ища мученичества, и ортодоксальными христианами, считавшими, что мученичество оправдано только тогда, к нему призывает Бог, нашел своё продолжение существовавший в античной философии спор о самоубийстве. Причем ортодоксальная позиция была в целом более характерна для античной культуры. В **параграфе 2** «Отношение к римскому государству и обществу, язычеству и античной культуре» показано, что во II веке мученики проявляли подчеркнутую лояльность к государственным властям, но к концу III века и особенно – после установления при Константине христианской империи в мартирологической литературе стали доминировать мотивы неуважения к императорам-язычникам, отказа признавать за ними власть. Такое изменение связано, видимо, с тем, что в изменившихся обстоятельствах изменилась и цель политических деклараций в «Актах мучеников». Если раньше было важно продемонстрировать язычникам благонадежность христиан, а заодно удержать собственных радикально настроенных сторонников от провокаций, могущих навредить всей общине, то теперь, в правление императоров-христиан, на фоне продолжающегося и углубляющегося социально-политического кризиса Римской империи, актуальным стало продемонстрировать значимость и благотворность произошедшего переворота. При этом мученики – как в ранних, так и в более поздних текстах – изображаются не чуждыми ни родственным, ни дружеским связям с язычниками, признающими отдельные моменты античной культуры, но жестко отрицающими языческую религию. Они хотят обращения язычников ко Христу и во многих случаях достигают этого. В более поздних текстах мученикам начинают приписывать демонстративное презрение к языческим святыням и даже их разрушение, что демонстрировало бессилие языческих богов перед Христом. Для II века характерно описание мира как несправедливого и исполненного греха, хотя в то же время подчеркивается,

что мучениками движет желание избегнуть ада и жажда райского блаженства, а не желание покинуть сей мир. В III веке этот взгляд выражается более четко: эта жизнь и этот мир хороши, но будущая жизнь и ожидающее святых Царствие Божье лучше. Характерное для позднеантичной философии презрение к жизни отрицается в «Актах мучеников», происходит возврат к свойственному более ранней античной мысли презрению к смерти. **Параграф 3** «Отражение в «Актах мучеников» представлений о повседневных добродетелях: благочестие, смирение, скромность» посвящен краткому анализу поведения мучеников. В нем показано, что мученики являют собой образец предписываемых всем христианам добродетелей: они кротки и смиренны, много молятся и постятся, женщины-мученицы скромны, а клирики-мученики ревностно наставляют паству. Здесь мы видим формирование в мартирологической традиции новых, непосредственно христианских ценностей. В то же время мученики являют другим – и христианам, и язычникам – образец христианской твердости в вере и поэтому отказываются не только принести языческие жертвы, но даже допустить видимость того, что они их принесли. Такое свидетельство своей жизнью и – главное – смертью полностью соответствует канонам позднеантичной культуры.

Глава 4 посвящена развитию социально-этического идеала мученика после конца гонений и называется «Церковная история» Евсевия Кесарийского: первая авторская концепция идеала мученика в царствование Константина». **Параграф 1** «Отношение мучеников к язычникам и христианам-отступникам. Значение мученичества для проповеди христианства» содержит анализ приведенных Евсевием упоминаний о любви мучеников к своим гонителям и к христианам-отступникам, благодаря которой становится возможным как обращение язычников в христианство, так и раскаяние и примирение с Церковью тех христиан, которые принесли жертвы во время гонений. Отмечается, что вопрос об отношении к падшим христианам, впервые ставший актуальным после масштабного гонения Деция,

после еще более масштабных преследований Диоклетиана неизбежно должен был вернуться в центр внимания. И действительно, он занимает важное место в «Церковной истории». При этом из трех существовавших подходов (ригористского, лаксистского и промежуточного) Евсевий склоняется к лаксистскому. В **параграфе 2** «Представление о верности мучеников Христу в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского» анализируется несколько новых черт, отсутствующих в написанных до правления Константина «Актах мучеников» и впервые введенных в мартирологическую традицию Евсевием или лишь слегка представленных в памятниках эпохи гонений. Делается предположение, что появление детальных описаний самых изощренных пыток, как и намного более частое описание разнообразных чудес, связано с изменившейся в новых условиях целью описания мученичества. После Миланского эдикта задача вдохновить читателя на повторение, при необходимости, описанного мученичества потеряла свою актуальность. Теперь можно было не бояться, что чрезмерно подробное описание страданий мучеников скорее испугает кого-то из христиан, чем воодушевит. Зато появление в тексте кровавых подробностей, равно как и чудес, нужно было для решения новой задачи: показать исключительность мучеников, а через это – превосходство христианской веры. Той же цели служит и частое подчеркивание Евсевием того, что мученики поставили свою веру выше, чем славу, богатство, почести и даже семью или женское целомудрие. **Параграф 3** «Отношение к добровольному мученичеству» раскрывает роль Евсевия в изменении после конца гонений традиции описания добровольного мученичества. В «Церковной истории» присутствуют как одобрение самодонительства или вызывающего поведения христиан, так и высказывания, которые оправдывают бегство от гонений. Первая тенденция представлена гораздо сильнее и содержится в собственном тексте Евсевия, а вторая ограничена несколькими цитатами из св. Дионисия Александрийского и рассказом о мученичестве св. Поликарпа, но и в нем сглажена в сравнении с оригинальным памятником. Впоследствии именно первая из двух тенденций

получит широкое распространение. Возрождение традиции сочувственного описания добровольного мученичества объясняется, с одной стороны, изменившимися с окончанием гонений условиями, а с другой – высоким авторитетом для последующих авторов Евсевия, который, в свою очередь, находился под влиянием Оригена.

Глава 5 «О венцах» Пруденция: итоги развития идеала мученика на рубеже античности и средних веков» посвящена анализу социально-этического идеала мученика в поэме, созданной на рубеже IV-V веков.

Параграф 1 «Представление о повседневных добродетелях: скромность, благородство, ученость, благочестие» затрагивает не только содержание указанных добродетелей, но и представления Пруденция о их происхождении. В нем показано, что в поэме «О венцах» будущие мученики и до страдания являют собой образец христианской жизни: укрепляют в вере других людей, соблюдают пост, девушки предпочитают добродетели украшениям. Знатностью для Пруденция является служба Христу. При этом самые разные добродетели – от учености до целомудрия – описываются им как напрямую, практически без усилий со стороны самого человека, дарованные Богом. Тем самым конфликт между христианами и язычниками переводится на «космический» уровень, превращается в борьбу Бога и дьявола, а души людей оказываются полем битвы, которое остается в итоге за Богом. В **параграфе 2** «Отношение к Римскому государству и языческой религии» продемонстрировано, что позитивное отношение Церкви к Риму, возникшее еще во втором веке, почти сошедшее на нет к третьему и сменившееся демонстративным пренебрежением к языческой власти во времена правления Константина, в поэме Пруденция не только вернулось, но и достигло исключительного для мартирологической литературы уровня. Одновременно с этим мученики не просто отрицательно оценивают языческую религию, но демонстративно презирают ее вплоть до попиранья ногами языческих святынь. Такая демонстративность в предшествующей мартирологической литературе практически не встречается. Третий важный аспект – мученики

горячо желают обращения язычников, в том числе своих гонителей, в христианство, и во многих случаях это происходит. Хотя описание таких обращений появляется в «Актах мучеников» довольно рано, в первые годы III века, а затем присутствует у Евсевия Кесарийского, в поэме Пруденция оно, как и патриотизм, приобретает дотоле невиданный в мартирологической литературе размах. Высказывается предположение, что указанные три мотива в поэме «О венцах» – любовь христианских мучеников к Риму, их демонстративное презрение к языческой религии, демонстрирующее бессилие богов, и оставление по их молитвам язычества целыми городами – в совокупности призваны показать место христианства в судьбе Римской империи, представить ее христианизацию закономерной и благотворной: Римская империя, по мысли Пруденция, от века имела свою роль в Божьем замысле, но из-за языческой лжи впала в множество пороков, однако, в итоге стала такой, какой и должна была быть. В **параграфе 3** «Космическая драма пытки по Пруденцию: роли Христа, мученика, дьявола и мучителя» отмечается, что мужество, с которым мученики переносят пытки и казнь, даже радуются им, описывается Пруденцием принципиально иначе, чем в «Актах мучеников» и «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Если раньше показывалось, что мученики ради верности Христу преодолевают свою слабость, отказываются от привязанности к родным, презирают богатство и знатность, то в поэме «О венцах» мученики описаны как люди, не имеющие никаких слабостей и земных привязанностей. Им нечего преодолевать, они с самого начала полностью устремлены ко Христу и рады возможности пострадать за Него. Напротив, судьи и палачи, сталкиваясь с твердостью мучеников, демонстрируют страх и бессилие. Тем самым Пруденций показывает торжество Христа, помогающего мученикам, над дьяволом, стоящим за спиной мучителей. Злоба последнего оказывается бессильной перед благодатью Божьей. Завершает главу **параграф 4** «Значение чудес в поэме Пруденция «О венцах». В нем осмысливается крайне частое упоминание чудес, особенно хорошо заметное при сравнении с «Актами мучеников» и

«Церковной историей» Евсевия. Чудеса происходят во время пыток и казни мучеников и после их смерти. Помимо этого, Пруденций описывает многочисленные исцеления больных и одержимых, происходящие на могилах святых. Мученики, как пишет поэт, ходатайствуют за свои города и за всех просящих, хранят их от бед и освобождают от пут дьявола. Таким образом, в **главе 5** показано, как мученики в поэме Пруденция перестают быть, как в предшествующей мартирологической традиции, «одними из братии», которым дано было прославить Христа, как может быть дано и автору, и его читателям. Вместо этого они впервые изображаются особыми людьми, стоящими между Христом и простым христианином. С окончанием гонений вокруг них появляется, можно сказать, «ореол инаковости». С помощью этого ореола и возвращенного им в мартирологическую традицию римского патриотизма Пруденций показывает превосходство Христа над языческими богами, их бессилие и благотворность обращения Римской империи ко Христу.

Заключение

В диссертации показывается, как мартирологическая традиция возникла в середине II века из полемики между христианами по вопросу о добровольном мученичестве. Проблематика «Актов» показана при этом в контексте существовавшего в рамках античной культуры отношения к самоубийству, верности божественной воле, самопожертвованию, миру и государству.

Хотя сначала в рамках мартирологической традиции существовала полемика между сторонниками и противниками добровольного мученичества, в III веке закрепляется позиция, согласно которой стремиться к мученичеству самостоятельно не следует. После конца гонений и установления власти христианских императоров, однако, одобрительное описание добровольного мученичества возвращается в мартирологическую литературу.

В «Актах мучеников» II-IV века мученики показаны кроткими, смиренными, скромными, ревностными в вере, добрыми к гонителям, поддерживающими добрые отношения с язычниками, желающими их обращения, что нередко и происходит. Подобие мучеников Христу в ранних «Актах» показывается сюжетными параллелями с евангельским рассказом о Страстях, но со временем эти параллели становятся все более условными, пока не переходят в область чистого богословия.

В «Актах», созданных во II в., подчеркивается, что мученики не презирают этот мир и эту жизнь, считают ее благой и ценной, но выше ставят жизнь вечную. Мученики любят Римскую империю, уважают ее власти и подчиняются их законам, но выше ставят власть и закон Бога. Эта подчеркнутая лояльность призвана опровергнуть обвинения христиан в том, что они являются врагами Римского государства. К середине III в. подчеркивание политической лояльности почти полностью исчезает из «Актов мучеников», сводясь к заверениям в молитвах за императора. Такова наиболее выигрышная стратегия для христиан в условиях острого политического и социального кризиса, потрясшего Римскую империю и вызвавшего нарастающее отчуждение между широкими слоями населения и императорской властью. «Акты», составленные во время и вскоре после гонений Диоклетиана, а также написанная в царствование Константина «Церковная история» Евсевия Кесарийского, в отличие от предшествующей мартирологической традиции, показывают мучеников не признающими языческих императоров-гонителей, воспринимающими их как безбожных тиранов. В это время появляется осуждение военной службы в языческом войске, но не из-за запрета проливать кровь, а по причине невозможности совмещения «присяги Христу» и «присяги цезарю». Такая позиция призвана подчеркнуть лояльность христианским императорам и в то же время показать благотворность и значимость принятия христианства империей. Демонстративное презрение мучеников к языческой религии, к ее обрядам и

святыням, показывает бессилие богов перед лицом Христа, тем самым оправдывая произошедшую смену религии.

Евсевий Кесарийский значительно усиливает мотив обращения язычников благодаря проявленному мучениками мужеству и терпению при перенесении пыток и мотив заботы мучеников о принесших языческие жертвы христианах, которых мученики приводят к покаянию и возвращению ко Христу. Евсевий упоминает о подобных случаях в трех цитируемых им текстах II-III века, но в том единственном из них, который сохранился отдельно от «Церковной истории», усиливает нужное ему впечатление, опуская при пересказе то, что противоречит его концепции. Это заставляет еще раз задуматься о том, насколько приводимые Евсевием обширные цитаты близки к своему оригинальному виду. Усиление значимости мотива милосердия мучеников к христианам-отступникам и мотива прощения гонителей и любви к ним, связанные с «Церковной историей» Евсевия Кесарийского, имели особый смысл в условиях, когда в Церковь устремились не только те, кто принес жертвы, а теперь просил о прощении и повторном принятии в общину, но и часть представителей военной и гражданской администрации, еще недавно осуществлявших гонения. Изменением условий жизни Церкви после конца гонений и начала христианизации империи объясняется также и увеличение количества описываемых чудес, и появление не встречавшегося ранее в мартирологической традиции детального описания изощренных пыток. Если раньше авторы «Актов мучеников» имели целью вдохновить читателя на возможное мученичество и учитывали возможность вместо этого чрезмерно испугать его, то начиная с Евсевия эта цель теряет актуальность, зато становится важным продемонстрировать силу помогающего христианам Бога, превосходство христианской религии над язычеством.

К началу V века задача показать превосходство христианства над язычеством, силу Христа и бессилие римских богов, становится еще более актуальной. Распространение христианства в Римской империи, принятие

направленных против язычества законов, закрытие языческих храмов шли одновременно с ослаблением государства, усугублением кризиса и постоянным увеличением военного давления со стороны варварских племен. Языческая оппозиция, к которой принадлежала значительная часть сенатской аристократии, объявляла бедствия империи карой богов за то, что римляне отказались от своей прежней религии. Именно в этих условиях Пруденций пишет поэму «О венцах». В ней поэт развивает мартирологическую традицию, отчасти следуя еще дальше в указанном Евсевием направлении. Попытки описываются даже более гипертрофированно чрезмерными, чем в «Церковной истории». При этом мученики радуются им, наслаждаются, а устают от них палачи. Если Евсевий вернул в мартирологическую традицию одобрительное отношение к так называемому добровольному мученичеству, то Пруденций в этом вопросе пошел значительно дальше.

Если в «Церковной истории» мученики преодолевают свою слабость и привязанность к благам этого мира, то в описании Пруденция они вовсе лишены каких бы то ни было черт, препятствующих им с радостью претерпеть смерть за Христа. Удивительным образом в поэме отсутствуют упоминания о том, что мученики уповают на помощь Божью в перенесении пыток. При этом, если в «Церковной истории» чудеса описываются чаще, чем в предшествующих «Актах мучеников», то у Пруденция подобных случаев еще больше, чем у Евсевия. Появляется ранее не встречавшийся в мартирологической традиции мотив: теперь мученики описываются как заступники за живущих на земле, защитники отдельных христиан и целых городов. Возвращается патриотизм мучеников, их любовь к Риму и уважение к властям, даже языческим – эта черта, характерная для II века, отсутствовала в мартирологической традиции с середины III века. Одновременно с этим более частыми и яркими становятся описания демонстративного презрения к языческому культу и языческим богам.

Если Евсевий описывал добродетели святых как результат их собственных трудов, то Пруденций показывает единомоментное изменение

прежде грешного человека благодатью Христа. Будучи сами исцелены от пороков Богом, мученики достигают того, что в результате их страдания и казни множество язычников обращается в христианство, отвергая прежние нравы. Все это вместе демонстрирует космическую победу христианства над язычеством и благотворность такой победы для Рима. Земные события являются лишь отражением этой космической битвы между Богом и дьяволом. Мученики при этом изображаются особыми людьми, не такими как простые христиане, уже при земной жизни принципиально более близкими ко Христу и праведными, а потому теперь, когда они пребывают в небесной славе, способными совершать чудеса и вымаливать у Бога прощение для грешных христиан. Такое отношение к святым, кардинально отличающееся от представленного в ранних «Актах мучеников», стало итогом развития мартирологической традиции в поздней античности и сыграло свою роль в формировании раннесредневековой христианской культуры.

Публикации по теме диссертации

I. Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в журналах WoS, Scopus, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2. Всеобщая история

1. Розенблюм Е. М. "Акты Карпа, Папилия и Агафоники" как источник по истории православно-монтанистской полемики // Диалог со временем. Вып. 48. М., 2014. С. 216-224. (0,41 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,346).
2. Розенблюм Е. М. Страсти св. Криспины / Пер. с латинского, вступительная статья и комментарии // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 77. С. 113-121. (0,6 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,427).
3. Розенблюм Е. М. Страсти св. Иринея, епископа Сирмийского / Пер. с латинского, вступительная статья и комментарии // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 84. С. 121-131. (0,65 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,427).
4. Розенблюм Е. М. Новые издания «Актов мучеников» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 2 (76) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002354-8-1/> (дата обращения: 14.04.2019). (0,49 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,279).
5. Розенблюм Е. М. Страсти св. Винценция: малоизвестная редакция ВНЛ 8631 и проблемы ее датировки // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 93. С. 11-20. (0,63 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,427).

II. Иные публикации:

6. Розенблюм Е. М. Античная героическая традиция и христианское мученичество на примере св. Игнатия и Анаксарха // *Antiquitas Iuventae*. Вып. 2. Саратов, 2006. С. 203-211. (0,43 п.л.)
7. Розенблюм Е. Плиний Младший // *Католическая энциклопедия*. Т. 3. М., 2007. Стлб. 1555-1557. (0,1 п.л.)
8. Розенблюм Е. М. Представления о поведении мученика на материале "Мученичества св. Иустина Философа" // *Antiquitas Iuventae*. Вып. 3. Саратов, 2007. С. 271-279. (0,44 п.л.)
9. Розенблюм Е. М. Идеал поведения мученика в поэме Пруденция "О венцах" // *Antiquitas Iuventae*. Вып. 4. Саратов, 2008. С. 150-175. (1,26 п.л.)
10. Розенблюм Е. Римские первомученики // *Католическая энциклопедия*. Т. 4. М., 2011. Стлб. 196-197. (0,04 п.л.)
11. Розенблюм Е. М. Развитие образа мученика в христианской литературе III-V вв. на примере св. Фруктуоза Тарраконского // *Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии*. 2012. Т. 13. Вып. 4. С. 22-26. (0,31 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,247).
12. Розенблюм Е. М. Страсти св. Квирина / Пер. с латинского, вступительная статья и комментарии // *Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии*. 2014. Т. 15. Вып. 3. С. 211-217. (0,51 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,247).
13. Розенблюм Е. М. Эволюция отношения раннехристианских мучеников к языческой власти // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. 2018. Т. 17. С. 58-69. (0,67 п.л.)